

Цзи Кай не смел мешкать: тут же выпрямился, всю исполняя роль ходячей грелки и обезболивающего пластыря. Просунув руку под одежду, он прижал ладонь к его коже и втайне обомлел. Раньше, когда у Ли Вэйду болел желудок, его тело всегда становилось холодным и твердым, будто внутри застрял булыжник. Но сегодня оно было совершенно теплым и мягким. Обычная температура, привычное прикосновение. В последнее время они каждую ночь засыпали в обнимку, и Цзи Кай успел досконально изучить каждый сантиметр его тела.

...А вдруг ему вовсе не больно?

Он говорит, что болит, просит погладить — просто чтобы привлечь внимание. Чтобы Цзи Кай смотрел только на него, думал только о нем и не отвлекался на кого-то еще.

...Вообще-то Цзи Кай терпеть не мог обман. Особенно после своего бывшего, который мастерски лгал и не раз водил его за нос. После такого действительно больше не хотелось становиться жертвой лжи.

...Но, черт возьми, сердце просто выпрыгивало из груди!

Как же хотелось его обнять! Сжать в объятиях, зацеловать, повалить прямо на водяной диван и, не спрашивая согласия, устроить сегодня вечером великую гармонию между человеком и природой!

Неужели он и правда настолько сильно влюбился?..

Все принципы, моральные устои и границы разумного, которых обязан придерживаться рациональный доцент юридического факультета, мгновенно развеялись по ветру.

Из глубины сердца непрерывным потоком хлынула трепетная, пьянящая нежность.

... ..

Ли Вэйду и впрямь притворялся больным. Он и сам признавал, что мысли у него сейчас свернули на какую-то темную дорожку.

Потому что ему было чертовски досадно!

Только стоя под душем, он позволил себе надуться: «Ты плакал из-за него! Ты правда плакал из-за него! Он что, до сих пор в твоём сердце?!»

Но заводить об этом речь или спрашивать нельзя. Не хотелось снова расстраивать Медвежонка, да и не хотелось выглядеть мелочным или обидчивым.

Чтобы тот поскорее забыл Чжу Лина, нужно — просто необходимо! — изображать великодушного, зрелого и надежного человека.

Вот только как, черт возьми, быть великодушным в такой ситуации?..

Выйдя из душа, Ли Вэйду уступил место Цзи Каю. Он как раз собирался сушить волосы, когда на кровати зажёгся экран телефона.

Сообщение от Чжу Лина: «Брат Кай, прости меня».

Следом посыпалась целая вереница голосовых сообщений. Ли Вэйду, из последних сил удерживая остатки разума, взял телефон. Свет экрана отражался в его темно-карих глазах и на

дергающемся уголке губ. Тот присылал запись за записью, а он удалял их одну за другой.

Когда терпение окончательно лопнуло, он просто ответил от имени Цзи Кая: «Больше не пиши мне. Я сейчас невероятно счастлив и очень, очень, очень его люблю! Хочу от всей души и навек быть только с ним!»

Динь-дон —

«Да какое он имеет право, чтобы ты к нему так хорошо относишься?»

«...»

Пальцы уже вышли из-под контроля разума, отчаянно и свирепо стуча по клавишам и раз за разом выбивая кнопку отправки.

«А ты какое право имеешь, чтобы он к тебе хорошо относился?! Раньше он души в тебе не чаял, а ты ценил это? Ты только и делал, что лгал ему, разве не так?!»

«Ты только на словах твердил, что любишь его, а сам пользовался его заботой и причинял ему боль! И у тебя еще хватает дерзости...»

Он настолько распалился, что даже забыл притвориться Цзи Каем.

Чжу Лин тут же набрал его номер. Ли Вэйду сбросил вызов и отправил номер в черный список. Затем поднялся на ноги, больше не в силах сдерживаться:

— Я заблокировал его сообщения, звонки и мессенджеры! Никаких больше контактов с ним, и чтобы в жизни обратно не добавлял!

— ... — В ванной шумела вода, и Цзи Кай застыл от неожиданности.

В желтоватом свете лампы клубился влажный пар, окутывая мокрого до нитки мужчину, выглядевшего чертовски соблазнительно.

— ... — Ли Вэйду тоже застыл.

Совсем крыша съехала? Человек же моется! Куда ты лезешь! Почувствовав, как к лицу прилила кровь, он хотел было захлопнуть дверь, но его тут же схватили за руку.

Вода стекала по ключицам. Цзи Кай улыбнулся, точь-в-точь как молодой барчук, вознамерившийся пристать к приличной девушке:

— А может, составишь мне компанию?

— Я уже помылся.

— Помойся еще раз.

—

Свет падал на лицо Ли Вэйду — сдержанное, строгое, словно у монаха, давшего зарок воздержания.

И он действительно начал раздеваться. Быстро, уверенно, без малейших колебаний.

Теперь струхнул уже сам пристава. Дело дрянь, совсем дрянь! Сегодня директор Ли абсолютно, окончательно вышел из своего обычного состояния!

Куда делась его милая смущенность? Где паника, когда его прижимают к стене?

Верните мне прежнего Вэйду, который вспыхивал от одного прикосновения!

Цзи Кай ужасно пожалел о случившемся. И зачем он только... ревел, как дурак! Как теперь объяснить, что он просто вспомнил старшую сестру, а Чжу Лин тут вообще почти ни при чем... В общем...

— И правильно сделал, что заблокировал! Давно пора было его удалить.

— На самом деле мы просто давно не общались, а то я бы сам его в ЧС отправил.

— Правда-правда! Вэйду, сам подумай: мы с ним расстались, и почти сразу меня сбила машина. А потом ты все время был рядом, и ты же сам видел, что я с ним ни разу не связывался, верно?

Искренне! Искреннее некуда! Тон, отношение — идеальная политическая корректность!

...

Горячие струи душа стекали по щекам, скрывая вспыхивавший и гаснущий в глазах Ли Вэйду мрачный огонь.

Он отлично знал Чжу Лина.

Черным списком дело не кончится, уж точно не кончится. Тот обязательно попытается вернуться. Ничто еще не кончено!

Что ж.

Ладно. Хочешь войны — будет тебе война.

Я буду заботиться о нем так, как тебе и не снилось, в сто, в тысячу раз лучше. Не жалея сил и не гнушаясь никакими средствами. И ни за что его тебе не отдам.

Ни за что!

С этой почти отчаянной, стиснувшей зубы решимостью он вдруг почувствовал, как его талию крепко обхватили сзади.

— Директор Ли~ — раздался голосок с легкой хрипотцой и смешинкой, прямо у самого уха, обжигая влажным теплым дыханием.

...Вэйду! Он опять сказал «директор Ли»!

Сколько раз можно повторять, а он все путает — да в его сердце вообще меня нет!

— Директор Ли-и, — низкий голос прозвучал с двусмысленной, дразнящей напевностью, от которой сладко зачесалось в груди. — Давай я прочитаю тебе шуточное стихотворение эпохи Мин?

— ...

— «Любил я прежде стихи и вино, цветы, да цитру, да шахматы... Нынче ж всё недосуг, и забота одна: соль да масло, да дрова, да рис...»

— «...да уксу-су-су-су-су-су-сус да чай».

Профессор Цзи, с ехидной ухмылкой читавший стишок про «уксус», привык быть Медвежонком, у которого нет естественных врагов в природе, а потому совершенно не заметил приближающейся опасности.

Сквозь клубы горячего пара к нему уже подбиралось холодное, но обжигающее дыхание хищного самца. А Цзи Кай лишь непонимающе похлопал глазами, подумав, что сегодня Вэйдун необычайно инициативен. Ему и в голову не приходило, что если эта кроткая овечка, привыкшая к его подшучиваниям, выйдет из берегов, то превратится в неудержимого оборотня.

И надо же было такому случиться, что именно сегодня ночью полнолуние!

В следующее мгновение его спину грубо прижали к холодной кафельной плитке. Губы были накрыты и намертво запечатаны в жестоком, властном, стирающем все границы поцелуе, переплетающем дыхание.

Но тот, кого захватили в качестве добычи, все еще довольный, думал про себя: «Хм~ С головой ушедший в уксусную ревность директор Ли весьма нехорош — кисло-сладенький, еще вкуснее».

Разомкнутые зубы захлестнул юркий, настойчивый язык, преследующий и ласкающий, и в увлажненном воздухе разлился пьянящий, вызывающий дрожь сладковатый прикус.

Ли Вэйдун был абсолютным виртуозом в поцелуях. Нежным, властным и в то же время невероятно чутким к каждому малейшему ощущению любимого человека. Он улавливал любую мелкую дрожь и порыв, а затем приласкивал, разжигал и доводил их до предела.

Цзи Кай уже однажды испытал на себе поцелуй, от которого обмяк всем телом.

Вот и сейчас его бедра снова задрожали.

К счастью, на этот раз тот не стал доводить его до головокружения и удушья, как в прошлый раз. Иначе, учитывая разряженный воздух в ванной, профессор Цзи вполне мог бы усомниться, не убьют ли его здесь по неосторожности, и по привычке начал бы серьезно размышлять, сколько лет максимального срока дают за такое преступление.

Человек, наконец отпустивший его губы, едва касаясь, поцеловал его в уголок рта. Цзи Кай уже собирался ответить на поцелуй, но по шее пронеслась волна сладкой судороги — прикосновение, еще прикосновение... поцелуи мелкими, частыми шажками двинулись дальше вдоль жил и ключиц.

Жара в ванной комнатке окончательно взвилась вверх, словно на раскаленные угли плеснули водой.

В темных зрачках замаячила мутная дымка. Взгляд Цзи Кая медленно скользнул вниз: на Ли Вэйдун оставалась лишь последняя белая рубашка, которая под душем насквозь промокла и плотно облепила тело.

Сквозь ткань смутно просвечивала белая кожа и бледновато-голубые венки. Это выглядело куда более эротично и дразняще, чем полная обнаженность.

Люминесцентная лампа под потолком отбрасывала яркие блики на его мокрую челку. Лицо, казавшееся обычно несколько строгим и аскетичным, теперь, зажженное ярким и живым желанием, обрело четкие, мужественные черты.

А-а, всё, я пропал.

Какой же он красивый! Вэйду реально такой красивый, такой соблазнительный и такой вкусный!

Повезло так повезло! В душе Цзи Кая бушевал восторг. Продолжая тайком рассматривать его ниже: хм, поджарая талия просто великолепна, а эти едва заметные кубики пресса и линия Аполлона... Он не удержался и сглотнул слюну. Да этот парень целиком и полностью прекрасен!

<http://bllate.org/book/18382/1767835>